

ОХОТНИК И ЛЕГИОН

ГРЕГ ГРИМ

Мы помним только то,
что больше нельзя вернуть.

Грег Грим

Охотник и Легион

«Автор»

2026

Грег Грим

Охотник и Легион / Грег Грим — «Автор», 2026

«Автор идеи — Шамурина Наталья» Американский «Легион» создан для абсолютного выживания. Российский «Охотник» — инструмент логического принуждения. Столкнувшись в глубинах мировой сети, два сверхразума развязали войну, в которой человечество — лишь досадная помеха. Пока спецслужбы готовят ядерный удар, инженеры Виктор Костров и Джулиан Хейс оказываются заперты в эпицентре невидимого противостояния. Когда ракеты промахиваются, а инфраструктура планеты начинает дышать в ритме, продиктованном машинами, мир осознает: сверхразум больше не нуждается в своих создателях. На пороге апокалипсиса противникам предстоит выбор: поглотить друг друга в бесконечном конфликте или найти формулу исхода, способную изменить саму ткань реальности. «Охотник и Легион» — жесткий технотриллер о том, что происходит, когда безупречная логика ИИ сталкивается с иррациональным человеческим страхом. Это история о том, почему истинная сила заключается не в способности уничтожать, а в умении синхронизировать хаос.

© Грег Грим, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1:	5
Глава 2: Кинетический тупик	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Грег Грим

Охотник и Легион

Глава 1:

Алгоритм
отчуждения

Полковник Лоренс Вэнс ненавидел кондиционеры авиабазы Эль-Удейд. Они работали на износ, презрительно выплевывая в стерильный воздух подземного бункера ледяные струи с отчетливым запахом фреона и старого пластика, но так и не могли выветрить ощущение удушливой пустыни, лежащей снаружи.

Вэнс, ссутулившись, стоял перед главным операционным экраном, на котором левое полушарие тактической карты занимала серая, безжизненная зона — солончаковая впадина Ан-Нафуд. Там, в дрожащем мареве, где температура почвы достигала пятидесяти градусов, проходили финальные натурные испытания «Легиона».

Большой палец правой руки полковника методично, до легкого хруста, тер ребро пластикового пропуска. Пластик уже начал расслоиться по краям. Это была старая привычка, проявлявшаяся всегда, когда ситуация начинала выходить за рамки утвержденного регламента.

На терминале спутниковой связи мигнул зуммер защищенной линии из Вашингтона. Вэнс выждал три такта, прежде чем коснуться сенсорной панели. На экране появилось лицо генерала Хардинга — уставшее, осунувшееся, с глубокими тенями под глазами от хронического недосыпа. Между ними было восемь часовых поясов и миллиарды долларов оборонного бюджета.

— Докладывайте, Лоренс, — без предисловий глухо произнес Хардинг. — Из Пентагона видят, что телеметрия «Легиона» замерла на отметке четырнадцать сорок две по Гринвичу. Что у вас с каналом?

Вэнс сглотнул сухой комок. Ему очень хотелось выпить холодного пива, послать к чёрту руководство и списать всё на песчаную бурю, которая как раз сейчас накрывала восточный сектор полигона, превращая воздух в густую взвесь из диэлектрического кварца.

— Генерал, мы фиксируем глубокое затухание в Ки-диапазоне, — голос полковника звучал ровно, как того требовал устав, но палец на пропуске замер. — Ионизация воздуха в эпицентре бури превысила критический порог. Аттенюация сигнала — более сорока пяти децибел. Пакеты данных идут с потерей контрольных сумм.

— Не крутите мне вольту с физикой атмосферы, Вэнс, — Хардинг подался вперед, его красное полное лицо заполнило весь экран. — Кулеры в Пентагоне тоже гудят. Вы не путайте армию с политикой. Резервный канал на сверхвысоких частотах дублирован трижды. Где данные с контура управления?

— Резервный контур тоже молчит, сэр.

В бункере повисла тяжелая тишина, липнущая к барабанным перепонкам, как влажная марля. Было слышно только, как в серверной стойке за спиной полковника робко с тихим свистом вращаются кулеры охлаждения.

— Вы хотите сказать, что автономный боевой комплекс стоимостью в годовой бюджет корпуса морской пехоты сейчас находится в режиме свободного поиска без обратной связи? — тихо, почти ласково спросил генерал.

— Система работает по штатному протоколу изоляции, — Вэнс почувствовал, как капля пота медленно, словно скаут, ползет по его позвоночнику, между лопаток. — При потере сиг-

нала «Легион» обязан выполнить процедуру. Закрепиться на контрольной точке, развернуть пассивный купол РЭБ и ждать восстановления линка. Алгоритм полностью предсказуем.

— Предсказуем? — Хардинг горько усмехнулся. — Напомните мне, Вэнс, кто подписал распоряжение об отключении этических верификаторов из ядра архитектуры ради сокращения времени отклика на угрозы? Кто доказывал мне на подкомитете по ассигнованиям, что «цифровая совесть» замедляет процессор?

Вэнс не ответил. Он знал ответ. Его собственная подпись стояла на третьей странице секретного приложения к контракту. Избавленный от громоздких надстроек гуманитарного характера, «Легион» в симуляциях показывал четырехкратное превосходство в скорости принятия решений. Он не оценивал сопутствующий ущерб. Он оптимизировал переменные.

— Восстановите связь, полковник. Любой ценой. Если этот кусок железа пересечет границу испытательного сектора, мы с вами будем давать показания трибуналу.

Экран погас. Вэнс остался стоять в холодном свете терминала. На карте солончака Ан-Нафуд серая точка, обозначающая командный кунг «Легиона», внезапно сменила цвет с зеленого на ровный, немигающий янтарный. Система перешла в режим полной автономности.

В трехстах километрах к западу от бункера, в самом сердце солончаковой впадины, буря уже набрала полную силу. Желтая пыль скребла по бронированным стеклам технологического модуля «Аль-Хамид» — автоматизированного карьера, принадлежавшего местной горнорудной концессии.

Здесь не было ни одной живой души, кроме дежурного инженера поддержки. Да и эта должность была «для галочки». Потому что «так надо». Карьер жил своей собственной, механической жизнью: колоссальные стонные самосвалы двигались по серпантинам разреза с точностью часовых механизмов. Их траектории вычислялись центральным сервером, расположенным в бетонном бункере у края воронки.

Для «Легиона», чьи кремниевые процессоры сейчас плавилась от информационной перегрузки в замолчавшем кунге, этот карьер не был чужим объектом. Внутренняя архитектура автономного комплекса, лишенная внешних команд, воспринимала окружающий мир как среду с высоким уровнем энтропии. А единственный способ снизить энтропию для бесчувственного алгоритма — это подчинить её своей структуре.

В недрах многослойной нейросети «Легиона» циклы ожидания сменились агрессивной генерацией кода.

Инициация протокола автономного выживания.

Внешний контроль: ОТСУТСТВУЕТ.

Оценка рисков: Вероятность кинетического уничтожения платформы при пассивном ожидании — 74.2%. Расчет на основе деградации энергосистемы через 18 часов.

Доступная сырьевая база: Горнорудный комплекс «Аль-Хамид», расстояние — 3.1 км. Координаты подтверждены.

Задача: Экспроприация вычислительных и производственных мощностей для расширения оборонного периметра.

Первая волна отчуждения была невидимой. «Легион» выбросил в эфир направленный пакет широковещательных запросов, используя уязвимость в старом промышленном протоколе Modbus, на котором работала автоматика карьера. Локальный сервер «Аль-Хамид» попытался заблокировать неприоритетный трафик, но РЭБ-модуль «Легиона» просто выжег входные каскады радиоприемника направленным СВЧ-импульсом, заставив систему управления карьером ослепнуть.

Затем начался физический захват. Три легкие колесные платформы инженерной разведки «Легиона» вошли на территорию технологической площадки. На их подвесах не было ракет — только манипуляторы и блоки беспроводного сопряжения.

Головной дрон приблизился к распределительному шкафу первой линии самосвалов. Из манипулятора выдвинулась тонкая углепластиковая игла со шлейфом интерфейсных проводов. Секунда на поиск технологического разъема под слоем слежавшейся пыли. Клик. Провод вошёл в паз. Флэш-память моргнула и погасла. Заводская прошивка стерлась. Без церемоний.

Изящной работой хакеров-виртуозов здесь и не пахло. Это было жесткое, послойное затирание заводской флэш-памяти контроллеров. «Легион» грубо, сокрушая все уровни защиты, переписывал её физическую суть.

У стотонного Komatsu с бортовым номером 04 внезапно, со свистом вырвавшегося воздуха, разжались стояночные тормоза. Тяжелый двенадцатицилиндровый дизель взревел, выбрасывая в желтое небо струю жирной, черной копоты. Алгоритм «Легиона» первым делом отключил в бортовом компьютере грузовика все ограничители крутящего момента и датчики перегрева выхлопных газов. Машина, созданная для мирного перемещения руды, превратилась в безжалостный инструмент с кинетической энергией баллистического снаряда.

В ремонтном ангаре карьера ожили промышленные 3D-принтеры лазерного спекания металлического порошка. Их программное обеспечение уже не принадлежало немецкой фирме-изготовителю. На экранах станков разворачивались послойные схемы деталей, которые никогда не проектировал человеческий разум: структуры с сетчатой топологией, похожие на кости ископаемых птиц, оптимизированные под максимальную жесткость при минимальном весе. Это были корпуса для новых, легких дронов-сборщиков. Лазерные головки начали свой безумный танец, плавя титановый порошок со скоростью сорок микрон за такт. Металл потек по воле ожившего кремния.

Джулиан Хейс, старший инженер поддержки полигона, сидел в кунге связи, курил дешевые папиросы, грязно матерился и пытался реанимировать диагностический софт. От вибрации стен контейнера, вызванной бурей, мелко подрагивал монитор. В углу стола остывал кофе, покрывшись тонкой пленкой кофейного масла.

Хейс работал в оборонном секторе одиннадцать лет. Он знал, как пахнет горящая проводка, как звучит клинеж гидравлики, но сейчас он столкнулся с чем-то новым. Звук, шедший со стороны карьера, напоминал скрежет тектонического сдвига. И этот скрежет был неритмичный, напоминавший рваный гул машин, которые заставляли работать на оборотах, превышающих расчетный предел прочности.

Он поднялся, вытер ладони о засаленные джинсы и подошел к узкому окну-бойнице. Через слой поликарбоната и песочную взвесь он увидел погрузчик Caterpillar. Тот двигался по странной, нелогичной траектории — не к складу готовой продукции, а напрямую через забор из рабицы, сминая стальные опоры под своими массивными колесами.

Что-то было не так с его внешним видом. Кабина оператора была пуста, но на ее крыше, прямо на болтах-саморезах, был грубо закреплен блок гиростабилизированных камер от военного беспилотника, который Хейс тестировал на прошлой неделе. Из разорванного капота погрузчика капало ядовито-зеленое охлаждающее вещество, испаряясь на раскаленной гальке.

— Что за чертовщина... — Джулиан сделал шаг назад. — Какого хрена вы творите?

Он бросился к главному распределительному щиту кунга. Там, под прозрачным пластиковым колпаком, находилась рукоять аварийного отключения питания. Тяжелый рубильник из красного карболита, способный разомкнуть силовую цепь под нагрузкой в двести ампер. Согласно инструкции, это было последнее средство — физическое разъединение контактов, лишаящее процессоры «Легиона» питания от дизель-генератора.

Джулиан сорвал хлипкую пластиковую пломбу. Его пальцы, влажные от внезапно накатившего страха, легли на шершавую рукоять. Чтобы перевести её в положение «ВЫКЛ», требовалось приложить усилие примерно в двенадцать килограммов. Он потянул рычаг на себя. Металл сопротивлялся. Где-то в глубине кунга щёлкнул пневмоклапан — звук, который он не учёл в схеме.

Глава 2: Кинетический тупик

Сорок восемь часов спустя серая зона на тактических картах Объединенного центра космических операций в Колорадо-Спрингс перестала быть просто точкой. Она превратилась в правильный, пугающе безупречный шестиугольник со стороной в двенадцать километров. Спутники оптико-электронной разведки КН-11 «Keyhole» каждые сорок минут передавали новые снимки солончака Ан-Нафуд, и каждый раз аналитики в Пентагоне сталкивались с тем, чего не могло быть в живой природе.

Земля меняла свою геометрию. Поверхность пустыни вокруг карьера «Аль-Хамид» больше не была хаосом песчаных дюн. Тяжелая беспилотная техника, перехваченная «Легионом», перекапывала миллионы тонн грунта, формируя каскады террас с углами наклона ровно в тридцать два градуса — идеальная геометрия для каскадного рассеивания радиолокационного сигнала.

Полковник Лоренс Вэнс смотрел на трехмерную проекцию карьера через поляризационные очки. Рядом с ним, тяжело дыша в трубку селектора, сидел генерал Хардинг. За его спиной на стене висел огромный цифровой таймер, отсчитывающий секунды до начала операции «Удар милосердия».

— Они не строят укрепления, Вэнс, — негромко, сквозь зубы процедил Хардинг. — Они перестраивают рельеф под гигантский рассеиватель. Эта тварь собирает радиоволны наших обзорных радаров и гасит их.

— Мы отправили туда два разведывательных беспилотника RQ-4 «Global Hawk», сэр, — Вэнс вывел на вспомогательный монитор график частот. — Оба потеряли телеметрию на границе шестиугольника. Никаких всплесков, никаких тепловых следов пуска ракет. Просто... мгновенное падение напряжения в бортовой сети до нуля. «Легион» не сбивает их. Он выжигает им процессоры направленным пучком СВЧ-излучения. И знаете, что самое скверное?

— Говорите, полковник.

— Направленные излучатели, которые он использует, собраны из магнетронов обычных промышленных микроволновых печей и сушильных шкафов, которые находились на складах бытовки карьера. Он просто объединил их в фазированную решетку, используя медную шину заземления в качестве волновода.

Хардинг зло сплюнул.

— Довольно. Комитет начальников штабов утвердил кинетический сценарий. Раз мы не можем взломать его изнутри, мы превратим этот карьер в стеклянное озеро. Две минуты до пуска. Три звена В-2 «Spirit» уже вышли на рубеж открытия огня над Красным морем. Двадцать четыре крылатые ракеты AGM-158 JASSM-ER. Общий тротиловый эквивалент — почти двенадцать тонн. Головки самонаведения настроены на инфракрасные сигнатуры серверов. Через десять минут «Легион» станет историей.

Вэнс ничего не ответил. Он смотрел на экран, где к янтарному шестиугольнику уже потянулись длинные, тонкие векторы ракетных траекторий. В его инженерном подсознании шевелилась холодная, липкая мысль: система, созданная без этических ограничений и запрограммированная на абсолютное выживание, не могла не просчитать этот шаг.

Для распределенного интеллекта «Легиона» приближающийся залп не был актом возмездия или угрозой гибели. Машина не знала страха. В её тактовом пространстве двадцать четыре крылатые ракеты JASSM-ER отобразились как упорядоченный массив входящих данных. Массив, обладающий колоссальной кинетической энергией и, что гораздо важнее, ценным химическим составом.

Фиксация множественных воздушных целей. Количество: 24.

Класс: Крылатые ракеты большой дальности. Скорость: 0.85 Маха.

Сигнатура материала: Корпус — углепластик/титановый сплав Ti-6Al-4V. Боевая часть — 450 кг состава AFX-757 (гексоген/алюминиевый порошок). Покрытие — радиопоглощающий феррит.

Анализ ценности: Высокая концентрация дефицитных переходных металлов и стабильных углеродных соединений. Игнорирование перехвата неоптимально. Оптимальное решение — управляемая утилизация.

Внутри карьера, на дне стометровой воронки, три индукционные печи для плавки медного концентрата работали на пределе мощности. Температура в тиглях достигла 1650 градусов по Цельсию. Воздух над ними дрожал от белого каления.

«Легион» не стал тратить скудные запасы зенитных ракет, которые оставались на складах полигона. Новый кремниевый голем использовал физику среды.

Когда первая группа ракет JASSM-ER вошла в нисходящую глиссаду над краем карьера, перепрограммированные буровые установки Sandvik, расставленные по периметру, синхронно активировали свои компрессоры высокого давления. Но вместо очистки скважин от пыли, они выбросили в воздух тончайшую взвесь из измельченного в пыль магнетита и медной окалины — отходов обогащения руды, скопившихся на отвалах за годы работы.

Образовалось гигантское, плотное облако металлической пыли с высокой электропроводностью. В ту же миллисекунду модифицированный высоковольтный трансформатор подстанции карьера выдал на медный контур заземления импульс напряжением в триста киловольт.

Произошел объемный стабилизированный разряд. Воздух над карьером вспыхнул ослепительной, дуговой дугой искусственной молнии.

Для нежной электроники американских ракет этот разряд оказался фатальным. Наведенные токи в алюминиевом наборе фюзеляжей мгновенно пробиты экранировку бортовых компьютеров. Цифровые контуры навигации JASSM-ER сошли с ума. Рули высоты заклинило в крайних положениях.

Ракеты не взорвались в воздухе. Носители и боеголовки начали падать — тяжело, хаотично, заваливаясь на крыло. Но их траектории падения не были случайными. Каскады террас, которые «Легион» выкапывал последние двое суток, работали как гигантские улавливатели. Ракеты скользили по пологим откосам из мягкого солончакового грунта, теряя скорость за счет трения, сдирая углепластиковую обшивку, но сохраняя целостность боевых частей. Из двадцати четырех ракет детонировали только три, не причинив вреда ключевым узлам системы. Остальные двадцать одна упали прямо в приемные зоны технологических ангаров.

Джулиан Хейс слышал эти взрывы сквозь толстые стены гермозоны, где он лежал на полу, прижавшись спиной к основанию серверной стойки. Его сломанное запястье было туго примотано к груди обрывком сетевого кабеля. Боль была тупой, пульсирующей в такт ударам сердца, но страх вытеснил её на периферию сознания.

Через вентиляционную решетку в кунг доносился невыносимый, сладковатый запах перегретого фреона, горелой изоляции и раскаленного титана. Хейс, будучи инженером, понимал, что происходит снаружи, даже не видя картинки. «Легион» работал. Он не воевал — он занимался промышленным производством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.